

Часть 3 НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 14 ШКОЛА «АННАЛОВ» И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историческая антропология – условный термин, которым обозначали начиная с 1970-х гг. историографическое течение, ориентированное на систематическое использование историей методов антропологии (этнографии, этнологии, культурной антропологии), что выражается в стремлении взглянуть на происходящие процессы с позиций их участников, а также на изучение всех видов социальных практик (тотальная история, история повседневности). Так получилось, что термин «историческая антропология» чаще всего ассоциируют со школой, или, точнее сказать, *движением «Анналов»*. Однако в действительности эти явления не вполне сопоставимы, поскольку историческая антропология не совпадает с национальными и институциональными границами Франции, а пресловутая школа «Анналов» хронологически и тематически распространяется гораздо шире исторической антропологии.

Начало историографического движения «Анналов»

Движение «Анналов» берет начало в 1929 г., в г. Страсбурге, и связано с деятельностью Люсьена Февра (1878–1956) и Марка Блока (1886–1944) по изданию журнала «Анналы экономической и социальной истории». Основатели журнала мечтали о радикальном обновлении исторической науки в условиях, когда большинство историков предпочитали работать «по старинке», не принимая во внимание ни травмирующий опыт мировой войны, ни социальные сдвиги, ни поистине революционное изменение научной картины мира.

Хотя в мировой историографии утвердился образ Февра и Блока как полных единомышленников, их идейные и жизненные предпочтения ощутимо различались. Л. Февр чтит традиции французской географической школы, но в еще большей степени его увле-

кала историческая психология, которую он продвигал, создавая индивидуальные портреты исторических личностей в контексте эпохи. Февр создал ряд ярких индивидуальных портретов: Лютера, Рабле, Маргариты Наваррской. Так, в книге «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942 г.) Февр спорил с представителем французского традиционного «раблеведения» А. Лефранком, описывающим своего героя как носителя атеистических и рационалистических воззрений, характерных скорее для мышления Нового времени. Февр усмотрел в этом явную модернизацию XVI в., в ментальном укладе которого еще не было интеллектуальных и социальных установок для возникновения воззрений такого типа. Индивидуальная психология Рабле характеризовалась в монографии как средоточие современной ему ментальной атмосферы.

Марка Блока в большей степени привлекали структуры коллективного сознания, проявляющие себя в определенных групповых практиках. Его книга «Короли-чудотворцы» (Блок 1998 [1924]) была посвящена верованиям в магическую целебную силу королевского прикосновения. Почти незамеченная современниками, впоследствии эта книга стала основополагающей для развития исторической антропологии. Гораздо больший успех снискали исследования Блока в области аграрной истории, которые увенчались обобщающим трудом «Феодальное общество» (*Idem* 2003 [1939]), где предпринимается попытка создать целостный образ средневековой социальной системы, и где особое место занимает глава «Феодального общества»: «Способ мыслить, способ чувствовать».

Редакторы «Анналов» стремились стать идейным средоточием обновленной исторической науки, отстаивая междисциплинарный профиль профессиональных дискуссий. Впервые в исторической периодике они создали практику тематических номеров, специально подобранных вокруг определенной центральной проблемы, зачастую имевшую выход на проблемы современного мира. В творчестве Февра внимание к текущим проблемам исторической науки проявилось в амплуа плодотворного критика: за свою жизнь он написал свыше двух тысяч рецензий. Некоторые из них приобретали характер методологических манифестов. Определенная часть этих рецензий позже была включена автором в сборник «Бои за историю» (Февр 1991 [1953]).

В период немецкой оккупации «Анналы» понесли невосполнимую потерю: летом 1944 г. в застенках гестапо героически погиб

Марк Блок. В послевоенной Франции общественная значимость движения «Анналов» возросла.

«Вторые Анналы». Э. Лабрусс и Ф. Бродель

Послевоенное время, отмеченное настроением обновления и реконструкции, вызвало расцвет социальных наук во Франции. Новые возможности для создания научных проектов предоставляло государство, стремившееся создать на руинах старого мира эффективные и рациональные механизмы управления. От социальных наук требовали конкретных и полезных знаний. В послевоенную Европу поступали не только инвестиции по «плану Маршала», но также мода на все американское, включая методы и технологии исследования американских социальных наук.

В 1946 г. «Анналы социальной истории» отреагировали на веяния времени введением подзаголовка «Экономики, общества, цивилизации», стремясь воплотить в жизнь проект синтеза между различными социальными науками, где историки были бы координаторами. Именно историкам удалось захватить лидерство в создании новой Шестой секции Высшей практической школы, замысливаемой как междисциплинарный центр обновления социальных наук. У истоков нового института со стороны историков стоял Шарль Моразе – представитель редакции «Анналов», специалист по экономической истории, который фактически сумел удержать начинание под контролем историков и его реализовал. Американский фонд Рокфеллера, также привлеченный усилиями Шарля Моразе, участвовал финансовыми дотациями.

Февр мечтал об исследовательских лабораториях, о грандиозных коллективных проектах, которые должны были прийти на смену индивидуальному виду работы. Такого типа «руководителя команды» он увидел в Фернанде Броделе (1902–1985), который с 1947 г. возглавил «Анналы». В следующие два десятилетия Бродель показал себя блестящим организатором, превратившим Шестую секцию в самостоятельную «Высшую школу исследований по социальным наукам» и создавшим «Дом наук о человеке», миссией которого стало продвижение междисциплинарных и интернациональных проектов. Но Ф. Бродель известен миру прежде всего как автор оригинальных исторических произведений (о теоретическом вкладе Броделя см. главы 5, 7, 10, 11 и др.). Его диссертация «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»

(2002–2004 [1949]) представила диалектику пространства и времени в виде нескольких режимов исторических длительностей, каждый из которых имеет свой предмет и задачи исследования: «На поверхности – событийная история, которая вписывается в короткое время, ...посередине – конъюнктурная история, которая следует более медленному ритму...; в глубине – структурная история большой длительности (*la longue durée*), которая охватывает века».

Монументальный трехтомный труд Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» (1986–1992 [1967–1979]) развивает тему глобальной «геоистории», также разделяя свой предмет на три уровня исторической действительности. Автор по отдельности подвергает анализу материальную цивилизацию, обретающую форму в структурах социальной повседневности, рыночную экономику, основанную на конъюнктурных циклах «игр обмена», и сферу капитализма, образующую «время мира».

Было бы несправедливым недооценить вклад в развитие французской исторической науки в духе «Анналов» Эрнеста Лабрусса. Именно он начал разработку понятия “*longue durée*”. С 1946 г. он стал преемником Марка Блока на посту заведующего кафедрой экономической истории в Сорбонне, существенно изменив за четверть века своей педагогической практики рельеф историографического пространства во Франции.

Защитив в 1932 г. диссертацию по экономике о движении цен и доходов во Франции XIX в., Лабрусс обратился к истории Французской революции. Его целью было связать события в долгосрочной перспективе, исследовать эволюции структур и найти революционному разрыву времен научное объяснение. Он стремился открыть и поставить под строгий контроль новые источники, конструируя серии статистических данных, почерпнутых из многочисленных фискальных документов и свидетельств о движении рыночных цен. Именно Лабруссу принадлежала идея разделить исторический материал на три уровня: экономический (быстрого времени), социально-политический (среднего времени) и уровень общественного сознания (время большой длительности). Как видим, такая система, хорошо согласующаяся с марксистскими представлениями о «базисе» и «надстройке», существенно отличалась от трех уровней исторического времени у Броделя, но именно она послужила основанием для появления у «Анналов» нового подзаголовка: «Экономики, общества, цивилизации».

В отличие от Броделя, никогда не имевшего возможности преподавать, у Лабрусса за четверть века педагогической деятельности было много талантливых учеников, обеспечивших впоследствии славу школе «Анналов». Они восприняли, воспроизвели и развили метод Лабрусса: создание однородных цифровых серий, характеризующих экономические и социально-политические процессы. Этот метод был успешно применен в многочисленных (более двадцати) диссертациях по региональной истории.

Необходимо упомянуть также о рождении исторической демографии, которая оказала колоссальное влияние на развитие французской квантитативной истории и в немалой степени способствовала утверждению «матрицы Лабрусса». Ученики Лабрусса – исследователи региональной истории активно внедряли «метод Флери – Анри». Его изобрел демограф Л. Анри, профессор Политехнической школы Парижа, который, пытаясь понять ритм прироста населения в XX в., задался вопросом, как восполнить нехватку источников тех периодов истории, когда переписей еще не проводилось. С помощью архивиста М. Флери Анри открывал для себя церковные приходские книги. Новый источник и техника его статистической обработки стали незаменимым подспорьем для целого поколения историков, положив начало жанру исторической демографии.

Образцовый ученик Лабрусса Пьер Губер начал свою работу о Бовези с публикации в «Анналах» статьи о демографических проблемах региона. В его работе «Бове и бовезийцы с 1600 по 1730 гг.» (1958 г.) приходские книги стали основным источником. «Метод Анри» позволил анализировать жизнь народных масс, которые классическая историография, замороженная великолепием Версальского двора, полностью игнорировала. Использование приходских книг подчас приводила к удивительным открытиям, таким, как практика позднего брака во Франции Старого Порядка. Вопреки свидетельству литературных источников, относительно поздний – 25–27 лет для девушки – возраст вступления в брак был решающим средством контроля рождаемости, повышая планку репродуктивного периода.

Таким образом, «второе поколение Анналов» достигло несомненного успеха, создав собственные институты и получив международный престиж. Для иностранных, в первую очередь американских, историков школа «Анналов» становится «визитной карточкой».

кой» французской исторической науки. Историкам этого направления удалось занять ключевое место среди социальных наук, потеснив структурную антропологию Леви-Стросса (1985), претендовавшую на лидерство в системе гуманитарного знания.

Историк, согласно Леви-Строссу, имеет сугубо эмпирический план наблюдения и потому, не имея доступа к тем глубинным структурам общества, которые почти аннулируют диахроническое измерение истории, не способен к моделированию. И только антрополог (этнолог) может распознать глубинную бессознательную основу социальных практик. «...история организует свои данные по отношению к сознательным формам, этнология – по отношению к бессознательным условиям социальной жизни».

Упреки Леви-Стросса, парировал Бродель, справедливы только по отношению к традиционной истории, тогда как проект обновленной «тотальной» истории, используя множественные режимы исторического времени, способен лучше антропологии выявить глубинные структуры общественного бытия, которые всегда имеют свое хронологическое измерение. При этом Бродель постулировал необходимость открывать границы между дисциплинами, выступая сторонником свободного обмена идеями при объединяющей и главенствующей роли истории. Ответ Броделя структурной антропологии позволил истории удержать во Франции монопольное положение среди гуманитарных наук. Однако он имел и непредвиденные последствия. История сохранила центральное место в социальных науках, но ценой метаморфозы, повлекшей за собой радикальные перемены. Под воздействием научных работ, выполненных в жанре структурной антропологии, история трансформировалась «изнутри». Она сделалась антропологической, а антропология – исторической.

Становление истории ментальностей

Уже в 1960-х гг. все чаще появляются книги историков, посвященные «этнологическим» сюжетам. Все чаще предметом исследования становится сфера коллективного сознания, для характеристики которого используется слово «ментальность». Не все авторы подобных изысканий изначально принадлежали движению «Анналов», но эти новаторские работы, как правило, обсуждались на страницах журнала. Так, широкий резонанс вызвала книга Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (1999

[1960]). В исследовании, посвященном ребенку, он представил идею детства как особого возраста, отличного от возраста взрослых, как относительно недавнее (с XVIII в.) изобретение.

Позднее, изучив закономерности и эволюцию западной культуры, значимые для жизни, Арьес исследовал вариации поведения перед лицом смерти, основанные на бессознательном коллективной практики. В книге «Человек перед лицом смерти» (1992 [1970]) он выделил пять идеальных «возрастов» в восприятии смерти: 1) смерть в античности и на заре Средневековья, воспринимаемая как закономерный этап коллективной судьбы; 2) «смерть себя» среднего и позднего Средневековья, финал биографии без трагических переживаний; 3) «смерть долгая и близкая», характерная для Нового времени и рассматриваемая как страшная неотвратимая угроза; 4) «смерть тебя» XIX – начала XX вв., – трагическая потеря дорогого существа в культуре, ориентированной на семейные ценности; 5) «перевернутая смерть» второй половины XX в., которая рассматривается как феномен возмущающий, вытесняемый из сознания.

Филипп Арьес сформировал популярный образец истории ментальностей, использующий в качестве основных источников памятники литературы и искусства. В дальнейшем многие положения были оспорены, в первую очередь самими историками «Анналов», но сама постановка исторической проблемы, затрагивающая новые для историка области человеческого существования, была новаторской.

Историк-медиевист Жорж Дюби создал первый теоретический манифест истории ментальностей в сборнике «История и ее методы» (1961). История ментальностей, по Дюби, изучает символический универсум в его целостности, историк не должен изучать историческую реальность, разводя ее по этажам экономического, социального и культурного. Еще в 1950-х гг. Дюби ввел в научный оборот понятие «феодальной революции», парадоксальным образом определяя феодализм как средневековую ментальность, то есть особого рода мыслительный инструментарий. Именно понятие ментальности позволяет ему в книгах «Общество XI–XII вв. в провинции Маконнэ» (1953 г.), «Время соборов» (1966 г.), «Бувинское воскресенье» (1973 г.), «Рыцарь, женщина и священник» (1981 г.) гармонично связать воедино изменение экономических, социально-политических и семейных структур.

Наиболее ясно иллюстрировала представление Дюби о ментальностях его книга «Три сословия или средневековое воображаемое» (1978 г.; рус. пер.: «Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе» [Дюби 2000]). Прилагая древний индоевропейский миф – управление, война, производство – к исторической конкретике европейского Средневековья, автор показывает, что формирование трехсословной общественной системы стало и результатом, и движущей силой феодальной революции. После распада империи Каролингов установилась новая система социального разделения труда, новая легитимная модель подчинения, выражаемая знаменитой формулой: *oratores, bellatores, laboratores*, – одни правят, другие сражаются, третьи работают. Идеологическая система, призванная предотвращать внутренние войны, обеспечивать защиту «святых мест» и поддержание мира, насаждалась клириками, но закрепляла господство сеньоров – рыцарей. Таким образом, структурирование трех сословий, по Дюби, проходит путь, обратный алгоритму, обозначенному Марксом, от идеологического к социальному.

Сторонником истории ментальностей выступал также Робер Мандру, человек из команды «Анналов», единомышленник Люсьена Февра, ратовавший за создание союза психологии и истории. В 1961 г. Мандру опубликовал свою новаторскую книгу «Введение в современную Францию: 1500–1640 гг. Эссе психологической истории», замысел которой подсказал Л. Февр. Диссертация Мандру была посвящена изменению судебных практик в отношении феномена колдовства, произошедшему в XVII в. В книге «Магистраты и колдуны» (1968 г.) автор отслеживал медленное, занявшее почти столетие, разрушение традиции «охоты на ведьм». Если в начале века судьи, без колебаний обличая козни Сатаны, выносили обвинительные вердикты, то в конце века этот тип приговора все чаще отвергался. Мандру усматривал суть подобной перемены в изменении самой структуры сознания судей и даже шире, в изменении приоритетов элитарной культуры, отмеченной нарастающей рационализацией мышления.

Чаще всего в нашей стране историю ментальностей и историческую антропологию связывают с именем Жака Ле Гоффа (р. 1924). В обобщающей работе «Цивилизация средневекового Запада» (1992 [1964]) автор дает целостную картину развития средневеко-

вого общества, раскрываемую через характеристики материальной культуры, социальной структуры, экономических изменений в неразрывной связи с эволюцией ментального инструментария. Восприятие средневековым человеком времени и пространства, системы ценностей, представлений о структуре общества, бедности и богатстве, духовного опыта – все это оказывается у Ле Гоффа системообразующим фактором, без понимания которого изучение средневекового общества невозможно. Жак Ле Гофф выбирает предметом истории ментальностей «уровень повседневного и автоматического», внеперсонального и ускользающего от понимания отдельных людей, «то, чем являются Цезарь и последний солдат его легионов, Святой Людовик и крестьянин его вотчины, Христофор Колумб и моряк с его каравеллы».

Жак Ле Гофф является одним из самых известных представителей «третьих Анналов». Его книги «Интеллектуалы Средневековья» (1957 г.), «Другое Средневековье» (1977 г.), «Цивилизация Средневекового Запада» (1992 [1964]), «Рождение чистилища» (2009 [1981]), «Средневековое воображаемое» (1985 г.), «Святой Людовик» (1996 г.), и др. были переведены на многие языки, включая русский. Но не менее известными стали его теоретические манифесты. Так, например, в трилогии «Заниматься историей» (1974 г.) Жак Ле Гофф писал об истории ментальностей как об истории многозначной, дающей свободу сблизиться с этнологией, социологией и социальной психологией, поддерживать множество отношений, имеющих стратегическое значение. Всеобъемлющий характер гибкого понятия «ментальность» позволял свободно трудиться на ниве других социальных наук.

Наряду с этими историками к проблемам ментальностей и исторической антропологии обращались практики так называемой «сериальной истории». Они продолжали пользоваться методом экономической истории Лабрусса, завоевывая сферы других измерений прошлого. «Третьим уровнем» сериальной истории, по выражению Пьера Шоню, после уровней социального и экономического стала широкая область ментального и социальной психологии, в том числе истории религиозных практик, книги и грамотности. Это движение «от подвала к чердаку» дома истории происходило с опорой на статистику и компьютерные технологии. Именно в этот момент ряд «новых историков» решили, что компьютер является инструментом подлинной научности, который посчитает в истории все, что только может быть посчитано.

П. Шоню, известный своими исследованиями трансатлантической торговли XVI–XVII вв., создает из своих учеников творческий коллектив для фронтального обследования Центрального архива нотариальных актов Парижа, чтобы выявить максимальное количество завещаний, содержащих благочестивые формулы (упоминания святых покровителей, количество заупокойных месс). На основе полученных данных выстраивались серии, которые должны были показать динамику изменения отношения человека к смерти. Результаты коллективного исследования были в итоге обобщены в книге «Смерть в Париже. XVI–XVII вв.» (1978 г.). Это был своего рода ответ на вызов, брошенный Ф. Арьесом, который опирался на отдельные литературные примеры.

К дискуссии с Арьесом в работе «Барочное благочестие и деchristианизация Прованса в XVII в. Поведение перед лицом смерти по материалам завещаний» (1978 г.) присоединился и Мишель Вовель, историк-марксист, специалист по Французской революции. Он учитывал демографические и социально-экономические факторы, характеризующие индивида и семью в «ожидании смерти». Анализируя «дискурс о смерти», автор восстанавливал ткань связанных с нею идеологий, места института Церкви и светских властей. Меж этих двух полюсов располагался ментальный опыт «пережитой смерти», всегда имеющий социальные различия. Исследовав двадцать тысяч завещаний, сделанных в XVIII в., Вовель пришел к выводу о радикальном изменении ментальностей в эпоху Просвещения, переставшей соблюдать «ритуалы эпохи барокко». Вполовину реже заказывались посмертные мессы, похоронный обряд не занимал больше центрального места в завещании. Выясняя факторы подобной эволюции, Вовель отверг схему противостояния народа и элиты, утверждая решающую роль городской буржуазии в этой десакрализации ментальностей, которая контрастировала с защитной реакцией знати.

Так историки, воспитанные в духе «вторых Анналов», занимали новую территорию историка – историю ментальности. В этом отношении характерным примером совмещения различных традиций служит творчество Эммануэля Ле Руа Ладюри (р. 1924; о его творчестве см. также в главах 9 и 10 настоящего издания). Уже в его диссертации «Крестьяне Лангедока» (1966 г.), написанной в лучших традициях методологии Лабрусса, чувствовались некоторые новые веяния, не без удивления отмечаемые рецензентами.

Автор уделял непривычно много внимания различного рода фобиям, коллективным психозам, и отсюда выработал его интерес к ментальностям. С другой стороны, он отмечал наличие очень жестких рамок, заявляя в духе Броделя, что крестьянское существование – это история «почти неподвижная», но подверженная всевозможным превратностям – климатическим изменениям (и отсюда происходит его интерес к истории климата), эпидемиям, чреватым демографическими катаклизмами (и отсюда его увлечение историей народонаселения), истощению почв (и отсюда репутация Ле Руа Ладюри как одного из столпов неомальтузианства).

В начале 1970-х гг. Ле Руа Ладюри выступает с методологическим манифестом о «неподвижной» истории, произнеся сакральную фразу о том, что «историк завтрашнего дня будет программистом или его не будет вовсе». Отдельный человек и событие не представляют интереса для такой истории, ее целью являются глобальные эпохи, отражающие исторические изменения планетарного масштаба. В парадоксальном несоответствии собственным заявлениям он выпускает в 1975 г. книгу «Монтайю, окситанская деревня». Опираясь на давно известный историкам источник – инквизиционные протоколы допросов жителей горной пиренейской деревушки начала XIV в. по делу о катарской ереси, автор вместо привычного для политической истории рассказа об инквизиции выступает в роли этнолога, создающего описание экзотической культуры. Автор воссоздает все стороны жизни простых людей: структуру семьи, особенности материального быта, верования, повседневные практики, взаимоотношения враждебных крестьянских кланов, представления о социальном и небесном порядке, распространение еретических взглядов (в том числе – веры в переселение душ) и даже разговоры деревенских кумушек, занятых доверительной беседой, пока одна вычесывает паразитов в голове у другой. Эта объемная книга получила неожиданный общественный резонанс, превратившись в бестселлер, переведенный на многие языки мира. «Монтайю» становится классикой исторической антропологии, хотя сторонники микроистории считают эту книгу образцом своего жанра (Ле Руа Ладюри 2001).

Вскоре последовала монография «Карнавал в Романе» (1979 г.), которая рассказывала об истории кровавого праздника, устроенного в 1580 г. в городе Романе знатным сословием, чтобы устранить лидеров народной партии – потенциальных мятежников. Социальные позиции ряженых на празднике символически выражались об-

разами животных: знатных – летающими, с различением полов, нижестоящих – земными и бесполоыми. Анализируя игровые формы карнавала, автор нашел в нем все черты традиционных итальянских праздников, воплотивших в себе мифологемы народного сознания.

Триумф исторической антропологии. «Третьи Анналы»

Таким образом, в 1970-х гг. параллельно с развитием истории ментальностей утвердился жанр исторической антропологии. Официально Высшая школа исследований по социальным наукам объявила о введении направления исследований по исторической антропологии в 1976 г. Она была сразу представлена «двенадцатью семинарами и семнадцатью преподавателями». Еще годом ранее Жак Ле Гофф переименовал свой курс «истории и социологии средневекового Запада» в «историческую антропологию средневекового мира».

Произошли изменения и в редакции «Анналов»: с 1969 г. на смену единоличному верховенству Ф. Броделя пришло коллегиальное управление Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро. Наступил период «Третьих Анналов». Отдавая дань моде, «Анналы» публикуют специальные номера, посвященные антропологическим темам: «Биологическая история и общество», «История и структура», «Семья и общество», «История и сексуальность», «За антропологическую историю», «История потребления», «Вокруг смерти», «Антропология Франции», «История и антропология андских обществ», «Исследования об исламе. История и антропология».

Антропологическое измерение проникало в разнообразные сферы исторического знания, став благодатной почвой для реального, а не только декларативного осуществления исторического синтеза. Оно оказалось удобным ракурсом для историков, воспитанных в «лабруссовской» парадигме исторического знания, отождествлявших себя с социальной историей. Так, например, в книге «Культура внешности. История одежды в XVII–XVIII вв.» (1989 г.) Даниэль Рош совместил виртуозное знание истории быта и материальной культуры (того, как, из каких материалов шили наряды, как одевались разные слои населения, как продавали новое и поношенное платье, и даже куда воровки сбывали украденные носовые платки) с обращением к культурным кодам цивилизации, поскольку, по словам автора, «за нарядом действительно можно обнару-

жить ментальные структуры». В «портновском театре эпохи» выбор одежды выражал претензии на определенный социальный статус, но происходившая «революция в одежде» была сродни «Великой Французской революции», поскольку мода перестала быть исключительным достоянием привилегированного класса.

В 1970-е гг. движение «Анналов» переживало свой «золотой век», если считать мерилom успеха все возрастающую, приобретающую мировой масштаб аудиторию почитателей, которые открывали для себя многочисленные произведения наследников легендарной традиции. Это обширное историографическое производство сами анналисты без ложной скромности называли «Новой историей» (*Nouvelle histoire*). Настаивая на новизне своих начинаний, «третьи Анналы» подчеркивали революционный по размаху обновлений характер исследований и преемственность с первыми полемическими манифестами Февра, противопоставивших традиционной истории свое видение «новой исторической науки», основанной на междисциплинарном сотрудничестве и конструировании гипотез, предшествующих работе с источниками. Энциклопедия «Новая история», выпущенная под редакцией Ж. Ле Гоффа в 1978 г., подтверждала свою преемственность по отношению к «первым Анналам», заявив о неприятии «трех идолов» историка: политического, индивидуального и поиска истоков, то есть стремления объяснять явления и события прошлого их происхождением, несколькими общеизвестными причинами. Дело дошло до того, что в энциклопедии отсутствовала статья о политической истории.

Для понимания ориентиров «Новой истории» необходимо принимать во внимание социальный и идейный контекст эпохи. Не случайно события, последовавшие за студенческими волнениями 1968 г., порой называют «второй французской революцией», по причине существенных перемен, произошедших в организации французского общества и переворота в умах французов. Стремительные изменения переживали, казалось, незыблемые французские ценности: представления о семье и гендерных ролях, роль религии и политических партий, отношения между работниками и патроном и даже издавна характерная для французов приверженность рационализму все чаще подвергались сомнению. Все это дало возможность говорить об «антропологическом кризисе», поразившем Францию. С другой стороны, все больший интерес вызывали другие цивилизации, их способность сопротивляться структу-

рам и идейным константам западного общества. Экзотика образа Другого, осознание многообразия ценностных ориентаций человечества подтачивали привычные европоцентричные схемы, неслучайно в эти годы разразился кризис существующих теорий модернизации.

Возвращаясь в метрополию, профессиональные этнологи с удивлением обнаружили в сознании и быте западного общества свои «внутренние колонии», «островки дикости», неподвластные переменам, которые, как считалось, свойственны лишь «холодным обществам». Свежесть и острота этого восприятия, позволяющего обнаружить сгустки прошлого в современной жизни, экзотизм внутри самих себя быстро покорили историю. Появились новые междисциплинарные проекты, руководимые историками, требовавшие привлечения народной памяти. Характерным примером является исследование в бретонской деревне Плозеве, возглавляемое Андре Бюргером, где местное население изучалось коллективом представителей различных социальных наук.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1973–1974 гг., положил конец вере в идеологию экономического и социального прогресса, столь характерную для историков предшествующего периода «Славного тридцатилетия», когда Европа переживала бурный рост. Запад открыл для себя потаенный шарм древних времен, ностальгию о потерянном веке, о той прекрасной эпохе, что была раньше Второй мировой войны и «тридцати славных лет». Заимствуя у этнологов инструменты анализа, историки пытались выведать у прошлого самые сокровенные тайны, традиционно не обсуждаемые в историографии. Носителями смысла стали «изгнанные» объекты, воскресшие в исследованиях девиантные социальные группы средневековых маргиналов, волшебников, сумасшедших. Пытаясь приобщиться к доиндустриальным культурам, историки игнорировали эпохи больших перемен и сосредотачивались на повседневной памяти «маленьких людей». Вместе с тем новые исследования стремились выявить историческую глубину происходящих общественных трансформаций, занимаясь вопросами функционирования семьи, социальной роли и образа ребенка, воспитательных и карательных механизмов в обществе, методов регулирования рождаемости (см. об этом также в следующей главе настоящего издания). Новая свобода поведения, быстро получившая ярлык «сексуальная революция», расширила границы исследо-

вания за счет истории тела, запахов, гигиены, любовных отношений. Процессы урбанизации, в считанные годы уничтожившие традиционный крестьянский уклад, подъем регионального и экологического движений в 1970-е гг. возродили интерес к средневековью и традиционному обществу Франции.

Вызванная к жизни множественными причинами, историческая антропология представляется скорее многовекторным движением, чем четко выраженной доктриной. Несмотря на это, предпринимались и предпринимаются попытки дать формальное определение исторической антропологии, провести водораздел между нею и историей ментальностей, или новой социальной историей, то есть превратить историческую антропологию в академическую дисциплину, которой можно обучать. В этом можно усмотреть парадокс, впрочем, довольно часто наблюдаемый в историографии: поколение ниспровергателей-революционеров само превращается в носителей своеобразной ортодоксии. Апогей влияния исторической антропологии и «третьего поколения Анналов» пришелся на середину 1970-х – начало 1980-х гг. Но триумф исторической антропологии был ограничен во времени.

После исторической антропологии. «Четвертые Анналы»

Школа «Анналов» по определению не могла останавливаться на каком-то достигнутом уровне, пусть даже весьма высоком. Тем более что во Франции 1980-х гг. нарастала волна критики в отношении исторической антропологии. Прежде всего, как и все структуралистские течения, это направление вызывало критику по следующим основаниям: невнимание к факторам, обеспечивающим историческую динамику; недостаточная научная доказательность «через удачный пример»; злоупотребление простыми обобщениями. Для большинства историков отказ от изучения событий, декларируемый «Анналами», оказался неприемлем, ведь события – это основа истории и исторического нарратива.

«Первым звонком» для школы «Анналов» стала публикация в 1980 г. почти одновременно появившихся статей Л. Стоуна и К. Гинзбурга, в которых постулировался провал проекта «научной истории» и возврат к традиционной, проблемно-хронологической, «нарративной» манере изложения уникальных событий. Эти упреки были тем более опасны для «Анналов», что они исходили не от традиционалистов, а от заведомых новаторов. Надо отметить, что

хотя стиль «третьих Анналов» был чаще всего подчеркнута неакадемичен, изобилуя «пиротехническими эффектами», призванными заинтересовать читателя-неспециалиста, сами анналисты считали себя сторонниками идеала «строгой научности». Тем неожиданнее был для них призыв вернуться к истории-рассказу. Но сложно было отрицать тот факт, что попытки заменить школьные учебные курсы «несобытийным» изложением в духе «исторической антропологии» потерпели фиаско.

Трудности поджидали «Анналы» и с другой стороны. Прокламируемое ими безудержное расширение «территории историка» неизбежно привело к распылению предметного поля истории. Вскоре французский историограф Ф. Досс охарактеризовал ситуацию, сложившуюся во французской историографии, возглавляемой «Анналами», как «историю в осколках» (1987 г.). А язвительная книга Дж. Ллойда «Демистифицируя ментальности» (1990 г.), во французском переводе звучащая еще зазорнее: «Чтобы покончить с ментальностями», подвела итог эпохи злоупотребления этим, в сущности, неоперациональным понятием.

Растущее влияние идей Мишеля Фуко, успехи философско-деконструктивистов, а позже и критические ремарки сторонников «лингвистического поворота» – все это было весьма чувствительно для представителей «Новой истории» и исторической антропологии, все еще осознававших свою связь с социальной историей.

«Анналы» достойно держали удар. Лишь немногие представители школы игнорировали разразившийся кризис. Своеобразным ответом стало обращение «третьих Анналов», вопреки манифестам «Новой истории», и к историческим событиям, и к жанру биографии (Ж. Ле Гофф начинает работу над монументальной биографией святого Людовика), и к сфере политического. В 1987 г. новая «История Франции», написанная при участии Ж. Дюби, Ф. Фюре, М. Агюлона, Э. Ле Руа Ладюри, была выполнена сквозь призму политической проблематики. Последний из авторов также реконструировал с позиций исторической антропологии жизнь Версальского двора. Несмотря на необычайно пышное празднование 60-летнего юбилея «Анналов» в 1989 г. (происходившего в перестроечной Москве), журнал публикует ряд статей под маркой «Критического поворота», пересматривающих парадигму «Анналов».

Критической мишенью стали излишний экономический сциентизм, невнимание к человеку, проблема реификации исследовательских категорий – рассмотрения абстрактного понятия как реального существующего в истории объекта. Итогом этих дискуссий стала смена подзаголовка «Анналов» «Экономики, общества, цивилизации» на «История, Социальные науки», что означало новый альянс с социологией и экономикой. Таким образом начиналась история «четвертых Анналов», ассоциируемая с именами Б. Лепти, Р. Шартье, Ж.-И. Гренье. При этом ветераны «третьего поколения» остались в редакции, причем некоторые из них приняли живейшее участие в методологическом обновлении (в особенности Ж. Ревель и А. Бюргер). Последнее обстоятельство, а также то, что критике подвергались скорее представители «вторых», а не «третьих Анналов», мешают некоторым исследователям выделять время, наступившее после 1989 г., как особый период в жизни этого историографического движения. Но трудно не признать, что ряд сильных историографических проектов конца XX в., таких как культурная история социального, «прагматический» поворот, культурная история политического и др., заслуживает самостоятельного звучания. Интеллектуальная рамка обновленных «Анналов» определялась иными идейными авторитетами: М. Фуко, П. Бурдьё, М. Болтански, Л. Тевено, П. Рикёром, М. де Серто.

Какова же судьба исторической антропологии во Франции сегодня? Некоторые историки продолжают связывать себя с этим понятием (такие как А. Бюргер, Ж.-К. Шмит). Но для большинства характерна ситуация, описанная Морисом Эмаром, бывшим директором Дома наук о человеке: «Сегодня трудно найти историка, который не использовал бы методы и достижения исторической антропологии. Но еще труднее найти того, кто отождествляет себя лишь с исторической антропологией» (персональное сообщение П. Ю. Уварову, декабрь 2002 г.).

Судьбы исторической антропологии в России

Можно спорить о том, насколько широко оказалась представлена историческая антропология за пределами Франции. У этого направления были сторонники и популяризаторы во многих странах (Натали Земон Дэвис в США, Питер Берк в Англии, Томас Ниппердей и Ханс Медик в ФРГ, Хулио Каро Бароха в Испании). Но еще большим было число исследователей, которые вполне само-

стоятельно шли своим, параллельным курсом, хотя иногда и сверяясь с работами коллег из «Анналов». В расширительном смысле этого слова к исторической антропологии можно причислить и представителей «истории повседневности» и «истории снизу» в Германии, и сторонников итальянской «микроистории», и многочисленных англоязычных авторов, активно применяющих методы культурной антропологии. Именно такой, расширительный подход к исторической антропологии представлен в учебнике М. М. Крома (2004). Он, безусловно, имеет полное право на существование, поскольку все вышеперечисленные направления могут быть названы подвидами мощного течения, по-разному называемого в зависимости от обстоятельств – «Новой социальной», «Новой социально-культурной», «Новой культурной» или просто «Новой историей».

В России так же, как и в большинстве европейских стран, у исторической антропологии при желании можно отыскать немало предшественников: от ученых-филологов XIX в. Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, до дореволюционных историков Н. И. Кареева, Л. П. Карсавина и А. С. Лаппо-Данилевского, призывавшего принять «принцип чужой одушевленности». Но все эти параллели порождены стремлением современных российских гуманитариев, воодушевленных успехом французской исторической антропологии, показать, что и наша наука шла тем же путем. В какой-то мере это верно, поскольку и движение «Анналов» возникло не в безвоздушном пространстве, но было порождено развитием науки своего времени, развивавшейся по схожим принципам и во Франции, и в Германии, и в России. Но важно, что догадки российских «предтеч» не привели в то время к созданию новой парадигмы развития национальной исторической науки.

Это не означает, что искания российских и в особенности советских ученых никак не повлияли на создателей исторической антропологии. В работах авторов «Третьих Анналов» часто цитировались популярные у структуралистов работы В. Я. Проппа (1895–1970), в особенности – «Морфология сказки», переведенная на английский язык в 1950 г., и еще чаще – книга М. М. Бахтина (1895–1975) о карнавальной культуре («Франсуа Рабле и народная культура Средневековья», англ. перевод – 1968 г.). Примечательно, что в свое время эта книга явилась ответом на работу Люсьена Февра «Франсуа Рабле и проблема неверия в XVI в.», теперь она прочно вошла в арсенал исследователей ментальностей, и Э. Ле Руа Ладюри

называл Бахтина главным вдохновителем его книги «Карнавал в Романе».

Несмотря на существование «железного занавеса» и языковой барьер, советские и французские историки не были полностью изолированными друг от друга. Удостоенная Сталинской премии книга Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой» (1949 г.), в которой он среди прочего писал о замалчивании массовых народных движений французской «буржуазной историографией», была переведена на французский язык с предисловием Р. Мандру и стала предметом оживленной дискуссии в самом начале 1960-х гг., как тогда писали, поделив французских историков на «поршневи́стов» и «антипоршневи́стов». Но в результате дискуссии французские исследователи всерьез занялись народными восстаниями, и вскоре помимо анализа их социально-политических аспектов перешли к изучению различных фольклорных особенностей «ритуалов насилия», то есть к излюбленному предмету «исторических антропологов». Но и Б. Ф. Поршневу, ранее писавший в основном о «политэкономии феодализма», под влиянием общения с Р. Мандру обратился к историко-психологической проблематике, написав книгу «Социальная психология и история» (1966), и создав в Москве семинар по исторической психологии.

Пример эволюции взглядов А. Я. Гуревича (1924–2006) заслуживает особого внимания. В 1950-х гг. он изучал процессы феодализации в странах Северной Европы и постепенно вполне самостоятельно пришел к пониманию того, что общество лучше описывать в его собственных категориях, не отбрасывая, как это делали ранее, различные «экзотические» элементы из правовых документов, эпоса и исторических хроник, но, наоборот, обращая на них самое пристальное внимание. Например, тот факт, что англосаксы при письменном оформлении прав земельного участка клали грамоту на землю или вместе с полем передавали чистый лист пергамента, легко находил объяснение в трудах этнографов. А ключ к пониманию института королевских разъездных пиров – «вейцлы», ставшего специфическим путем феодализации скандинавского общества, следует искать в трудах Марселя Мосса и его последователей, описывающих этнографические институты дара и потлача. Сейчас это кажется само собой разумеющимся, но в советской историографии середины 1960-х гг. воспринималось с настороженностью. По собственному признанию Гуревича, в эти годы на него произвело большое впечатление знакомство с «Цивили-

зацией средневекового Запада» Ж. Ле Гоффа. Подход, при котором не только агрикультуре и сеньориальным отношениям, но и картине мира средневекового человека придавался структурообразующий характер, был созвучен наблюдениям советского историка.

В 1970 г. Гуревичем было подготовлено учебное пособие «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», имеющее целью показать возможные пути создания «другой истории», истории, пропущенной сквозь призму представлений современников. Неудивительно, что книга была принята официальной наукой враждебно (с нее был снят гриф учебного пособия), поскольку ее выводы шли вразрез с постулатами советской медиевистики. Сам термин «собственность на землю» вообще объявлялся для Средневековья неприемлемым, вместо него говорилось о “dominium”, бывшем одновременно и собственностью, и властью, и господством. Провозглашалось, что для понимания раннесредневекового общества межличностные связи куда важнее связей вещных. И вообще наши привычные термины – «собственность», «богатство», «свобода», «государство», «индивид» и проч. не помогут нам ничего понять в средневековом обществе. Только дешифровка культуры дает ключ к восприятию раннесредневековых обычаев, ритуалов, поступков, иррациональных с нашей точки зрения, но образующих достаточно строгую систему. Это не означало отказа от изучения средневековой экономики, которая оставалась в центре внимания историка, но важно было осознать, что она функционирует не сама по себе, а лишь будучи насыщена человеческим содержанием. Для этого нужна экономическая антропология, ключ к которой надо искать с помощью культуры. Причем под культурой А. Я. Гуревич понимал не столько шедевры готики или философские трактаты, а нечто неотрефлексированное, разлитое в сознании любого члена данного общества.

Так А. Я. Гуревич вполне самостоятельно подходил к необходимости изучения истории «менталитета», как предпочитали говорить у нас. Следующим шагом стала его книга «Категории средневековой культуры» (1972), в которой речь шла о представлениях о времени и пространстве, об отношении средневекового человека к бедности и богатству, к праву и власти. Затем последовал ряд блестящих исследований о народной культуре Средневековья. Значило ли это, что Гуревич встал под знамена «Анналов», став представителем этого движения в Москве, а то и вовсе его эпигоном?

Нет, поскольку путь его был самостоятельным, он опирался на англо-саксонский и скандинавский материал, в ту пору малознакомый французским историкам. Его статьи публикуются в «Анналах» с 1972 г., а книги, начиная с «Категорий», регулярно переиздаются на Западе. Но, конечно, А. Я. Гуревич весьма способствовал популярности работы историков школы «Анналов», в особенности третьего их поколения, публикуя реферативные обзоры и рецензии (порой вполне критические) на их издания. Впрочем, здесь он был не одинок – Ю. Л. Бессмертный, В. М. Далин, А. Д. Люблинская, В. Н. Малов, А. Л. Ястребицкая много делали для того, чтобы российские историки были в курсе достижений французских представителей «Новой исторической науки».

С творчеством представителей «школы Анналов» советские историки могли ознакомиться также из работ, выдержанных в духе поощряемого в СССР жанра «критики буржуазных теорий», призванных показать разложение буржуазной науки и триумф метода исторического материализма. Но, как это не раз бывало в истории, критика давала читателям шанс составить представление о взглядах критикуемых. Если в книге М. Н. Соколовой «Современная французская историография» (1979) критике подвергались представители разных поколений анналов без разбора – Мунье, Бродель, Фюре, Лабрусс, Ле Гофф, Ле Руа Ладюри), – то в работе Ю. Н. Афанасьева акценты были расставлены иначе. Несмотря на весьма боевое название – «Историзм против эклектики. Французская историческая школа “Анналов” в современной буржуазной историографии» (1980), где под историзмом понимался марксизм, а под эклектикой – «школа Анналов», автор вполне четко отделял «вторые Анналы» Броделя и Лабрусса, не утратившие свой прогрессивный характер, и «третьи Анналы», противопоставившие себя марксизму.

В дальнейшем, однако, взгляды Ю. Н. Афанасьева претерпели значительное изменение, а идеи «Анналов» становились все более популярными в СССР. Когда наступила перестройка, к их методологическому арсеналу обратились многие историки, призывавшие к обновлению исторической науки. Ю. Н. Афанасьев обеспечил перевод и публикацию «Материальной цивилизации и капитализма» Броделя, медиевист Ю. Л. Бессмертный работал над книгой по исторической демографии – «Жизнь и смерть в Средние века» (1991) во многом созвучной идеям Ф. Арьеса и его оппонентов. А. Я. Гу-

ревич все чаще публиковал методологические манифесты, ратующие за историческую антропологию.

Правда, выяснилось, что в отечественной науке уже существовало направление, имевшее точно такое название. В русской традиции «антропологией» именовался раздел биологии, изучавшей происхождение человека и особенности его физического облика. Антропологи измеряли параметры строения тела представителей различных рас и народов, населяющих землю. А исторические антропологи занимались тем же применительно к черепам и скелетам, добытым археологами (такими наиболее известными результатами являются скульптурные реконструкции М. М. Герасимова – неандертальского мальчика, Андрея Боголюбского, Тамерлана и других персонажей). Академик В. П. Алексеев, антрополог, еще в 1979 г. опубликовавший книгу под названием «Историческая антропология», поддержав исследовательское направление, за которое ратовал А. Я. Гуревич, предлагал называть его «исторической психологией», чтобы не создавать путаницы. Однако несмотря на то, что с 1987 г. А. Я. Гуревич воссоздал в Институте всеобщей истории семинар по исторической психологии, он настаивал именно на термине «историческая антропология» как на наиболее удачном лозунге преобразований советской исторической науки. При этом часто цитировались слова Ж. Ле Гоффа о том, что «историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории. Она объемлет все достижения новой исторической науки, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропология».

1989 г. был «годом великого перелома» для исторической антропологии в нашей стране. По инициативе А. Я. Гуревича, Ю. Л. Бессмертного и Л. М. Баткина начал выходить альманах «Одиссей. Человек в истории», получивший прозвище «русских «Анналов»» и завоевавший большую популярность как рупор исторической антропологии. В том же 1989 г. в Москве усилиями Ю. Н. Афанасьева, Ю. Л. Бессмертного, А. Я. Гуревича была проведена масштабная конференция, посвященная юбилею школы «Анналов», собравшая со всего мира цвет «новой исторической науки». Советские историки обсуждали пути синтеза лучших традиций отечественной науки с достижениями школы «Анналов».

Ю. Н. Афанасьев, возглавивший только что созданный Российский государственный гуманитарный университет, на рубеже 1991–1992 гг. открывает в нем Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока, призванный стать форпостом нового подхода к истории, идущего на смену «обветшавшей традиции советского марксизма». В 1991 г. на русский язык переводят «Цивилизацию средневекового Запада» Жака Ле Гоффа, а затем и остальных классиков французской исторической антропологии. А. Я. Гуревич с коллегами работает над альтернативным школьным учебником по истории Средних веков, написанным в духе исторической антропологии. Затеваемый «Словарь средневековой культуры», где лучшие специалисты должны были дать описание Средневековья с позиций исторической антропологии, обязан был, по мнению авторов, показать, что изучать и преподавать историю по-старому станет невозможно.

В первой половине 1990-х гг. историческая антропология переживала апогей своего могущества в нашей стране. Даже в лексикон депутатов Государственной думы прочно вошел термин «менталитет». Могло сложиться впечатление, что историческая антропология вполне способна стать осью нового исторического знания в нашей стране, где большинство исследователей и преподавателей все еще были уверены, что истинно научный метод должен быть всегда один-единственный.

Но и движение «Анналов», и историческая антропология оказались вовсе не приспособленными для такой роли. Прежде всего из-за отсутствия жесткой понятийной структуры и строгости в определениях и даже общепринятой системы ценностей. Выяснилось, что традиции школы «Анналов» каждый склонен понимать по-своему, и между вчерашними единомышленниками возникли серьезные трения. Так, Ю. Н. Афанасьев и А. Я. Гуревич резко разошлись в оценке роли Ф. Броделя, творчество которого последний считал досадным отступлением от традиций Блока и Февра, затормозившим развитие исторической антропологии. Разногласия в редколлегии «Одиссея» привели к созданию альманаха «Казус» (под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова), осмысляемого как альтернатива не только традиционной истории, но и исторической антропологии. Понятие культуры как надличностной системы, налагающей на человека готовую сеть смыслов, постепенно сменялось представлением о культуре как о пространстве свободы, даю-

щей индивиду возможность выбора. «Период исканий», характеризовавший во Франции переход к «четвертым Анналам», затруднял обращение к готовым матрицам и схемам исторической антропологии (никогда, впрочем, не существовавшим) с целью их переноса на российскую почву. Выяснилось, что ни культурная, ни социальная, ни политическая антропологии, внедряемые в программы университетов, не походят на антропологию историческую в ее французском звучании. Попытки представить историческую антропологию неким монолитным учением, четко противостоящим другим исследовательским школам, оказались не более успешными, чем стремление создать историко-антропологическую специализацию в университетах. В итоге выяснилось, что исследователи предпочитают говорить не об исторической антропологии, но об «антропологически ориентированной истории».

Успехи, достигнутые в нашей историографии с опорой на наследие «третьих Анналов», неоспоримы. Среди прочих можно буквально наугад взять несколько имен ведущих медиевистов (таких как М. А. Бойцов, С. И. Лучицкая, М. Ю. Парамонова) или специалистов по русской истории (М. М. Кром, Е. С. Сенявская, Е. Б. Смелянская, А. Л. Юрганов), и в творчестве всех эти историков, как и многих других, увидеть влияние исторической антропологии (хотя сами авторы с этим не согласятся). Но привести их работы к какому-то общему знаменателю, объединить под каким-либо общим определением крайне сложно. Это означает, что наблюдение, сделанное Морисом Эмаром, вполне справедливо и для нашей страны.

Рекомендуемая литература

- Блок М. 2003. *Феодальное общество*. М.
- Ле Гофф Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада*. М.
- Гуревич А. Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. М.
- Гуревич А. Я. 1993. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. М.